

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ради эксперимента	6
Все, кому снится Ирали	14
Семь громов	78
Как всегда	86
Непростой объект	94
Не было никогда	113
Сторож	127
Поле превращения	144
Dr. Consolatio Daemonum	155
Увертюра	167
В твоём небе летит и смеётся	309
Let my people win	314

РАДИ ЭКСПЕРИМЕНТА

Стоит такой, ни жив, ни мёртв. Натурально не живой и не мёртвый, это не образное выражение, а экспертное заключение специалиста. Как и зачем он сюда пришёл, непонятно. Однако пришёл. И стоит.

Харон думает: что не жив, меня не касается. Раз не мёртв, значит не мой клиент.

Харон говорит: не положено.

Харон говорит: уходи.

Этот, который ни жив, ни мёртв, но стоит на берегу Ахерона, кивает. Типа ладно, сейчас пойду. Но не уходит. Стоит и смотрит с таким изумлением, словно прежде не видел ни рек, ни лодок, ни стариков.

Наконец говорит: фигассе, как в древнегреческих мифах. Ты реально Харон?

Харон думает: ну и придурок. Хорошо, что не мёртвый, не мне с ним возиться.

Харон говорит: убирайся отсюда. Туда, откуда пришёл.

Этот придурок, не живой и не мёртвый, говорит: извини. Не сердчай, что пялюсь, как в зоопарке, просто ты же — оживший миф. Говорит: я бы ушёл отсюда, да не знаю, куда. Я дороги во тьме не вижу. Только реку, лодку твою и тебя.

Харон думает: не живой, поэтому и не видишь.

Харон говорит: ты не мёртвый, я тебя на борт не возьму.

Придуток, не мёртвый, но и не настолько живой, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову, садится на берегу, достаёт из кармана короткую толстую палку (трубку? свистульку?) Говорит непонятное: я тут попарю. Если уж веип нашёлся в кармане. Спасибо, господи, за него.

И выпускает облако ароматного пара, такого... какого «такого», Харон не знает. Не с чем сравнить, не на что опереться, у него подобного опыта нет. Но чует — не носом, а своим вечным сердцем — что этот удивительный сладостный запах одновременно про жизнь и про смерть.

Мой любимый, — говорит незнакомец. — Frozen forest. Морозный лес.

Харон думает: ну и дела. С виду обычный смертный, а порождает ароматные облака. Может, он из стихийных духов? Я их вблизи давненько не видел, с первого взгляда мог не узнать. Тогда понятно, почему он такой — не живой и не мёртвый. Но всё равно непонятно, что он делает тут.

Харон говорит: ладно, можешь не торопиться. Мне нравятся твои облака.

Порождающий облака говорит: хочешь попробовать? Мне не жалко, держи.

Он сует Харону короткую толстую палку, трубку, свистульку. Говорит: поднеси ко рту и вдохни.

Харон думает: что значит «вдохни»? Это смертные вдыхают и выдыхают, я им не чета. Но запах морозного — что такое «мороз»? — леса — ну, с лесом примерно понятно — так сладко кружит ему голову, что больше не остаётся вопросов. И лодки. И Ахерона. И повелителя облаков. И самого Харона не остаётся. Но кто-то здесь всё-таки есть. Этот кто-то помнит, что

прежде, до морозного леса, до сладкого дымного облака, до жизни, до смерти у него было имя «Харон».

Порождающий облака говорит: что, голова закружилась? Так с непривычки бывает. Прости, не предупредил.

Порождающий облака спрашивает: ты в порядке?

Харон не знает, что такое «в порядке». И чем оно отличается от «не в порядке». Поэтому он молчит.

Порождающий облака беспокоится: тебе стало плохо?

Что такое «плохо», Харон понимает. Примерно. Теоретически. Из чужих разговоров. Харон отвечает: ты ошибаешься, мне хорошо.

Порождающий облака забирает палку-трубку-свистульку. Говорит: хватит пока с тебя. Спрашивает: слушай, так это правда, что ты перевозишь мёртвых? А куда? Неужели, как сказано в мифах, в ад?

Харон думает: всё-таки он придурок. Хотя и способен рождать чудесные ароматные облака. Впрочем, стихийные духи часто ведут себя как придурки. Не самое сильное место у них голова.

Харон говорит: да почему сразу в ад? Просто на другой берег.

Придурок интересуется: а что на другом берегу?

Харон отвечает: так это от пассажира зависит. Каждый мёртвый — сам себе другой берег, я это имею в виду.

Придурок кивает: а, тогда ясно, почему все боятся после смерти оказаться в аду.

Харон думает: всё-таки он не придурок. Кое-что в наших делах понимает. И облака у него отличные. Такие как надо. Пахнут жизнью и смертью. Точно стихийный дух.

Харон говорит: мне понравилось твоё облако. Дай я его ещё раз вдохну.

Дух отдаёт Харону волшебную палку. Говорит непонятное: парь на здоровье, раз тебе вейп понравился. А потом говорит понятное: я очень рад.

Говорит (Харон его слышит, но не особо вникает в сказанное, он вдохнул ароматное облако, он сам сейчас облако, ему всё равно). Говорит: мы из разных мифов. Ты — Харон, с тобой всё понятно. А я, наверное, Ной.

Харон думает: врёт, но ладно, хоть какое-то имя. С именем проще. Пусть будет Ной.

Ной говорит: прикинь, мне было видение. Тихий ласковый голос, невыносимый яростный свет. В жизни не видел ничего прекрасней этого света. В жизни не слышал ничего, чем тот голос страшней.

Это Харон хорошо понимает. Всякий раз налегке возвращаясь с другого берега, он слышит, как страшный ласковый голос благодарит его за работу. Всякий раз, закрывая глаза, он видит прекрасный яростный свет.

Харон думает: надо же, у нас общие знакомые есть.

Ной говорит: этот ласковый голос сказал мне, что люди ему надоели. Нет от них ни толку, ни радости. И даже не особо смешно. Разве что я неплохо удался. Тоже, конечно, не зашибись какой праведник, а всё-таки вполне ничего. Ради эксперимента можно оставить, вдруг получится толк.

Ной говорит: этот голос сказал мне, что в новую жизнь надо взять с собой каждой твари по паре. Всего по паре, прикинь! У меня два кота и кошка; с кошкой как раз понятно, а из котов, получается, спасётся только один? И почти у всех соседей собаки, такие хорошие. И утки — их на пруду в нашем парке целая стая. И галки. И лошади. И воробьи.

Харон говорит: каравай-каравай, кого хочешь, выбирай, — и смеётся. Смех у Харона лающий, хриплый, но не потому, что тот хтоническое чудовище, просто давно не смеялся, отвык.

Ной говорит: и это я тогда ещё о слонах, тюленях и зайцах не вспомнил. О ежах, китах и пингвинах. И обо всех остальных. Но голос, спасибо за это, господи, признался, что пошутил. Звери, птицы и рыбы и так останутся, к ним нет никаких вопро-

сов. И цветы, и деревья. Вообще весь растительный мир. Его только люди достали. И все, что мы понастроили — фермы, заводы, деревни и города. Но голос сказал, чтобы я не расстраивался, что придётся их потерять. Всех и всё, что в ковчег поместится, можно с собой забрать.

Харон думает: ишь, какая персона важная! А по виду не скажешь. Ну и дела.

Ной говорит: больше всего я тогда испугался, что придётся самостоятельно строить этот ковчег. Я же не корабел и не плотник. Сраный айтишник, как сейчас почти все. За всю жизнь своими руками только икеевский табурет собрал. Да и то один болт оказался лишний, так и не понял, куда его надо было вворачивать. Хотя инструкцию раз десять перечитал.

Харон думает: персона ты может и важная, а всё равно придурак, каких свет не видывал. Табурет какой-то несчастный по инструкции не собрал!

Ной говорит: я придурак, конечно. Что «ковчег» — это просто метафора, сперва не догнал. Но ласковый голос в бесконечном своём милосердии мне понятными человеческими словами это сказал. Ничего руками делать не надо, любить достаточно. Что поместится в моё сердце, то спасено. Представляешь, как я обрадовался?

Харон отвечает: не представляю. Но похоже, твоим любимым крупно с тобой повезло.

Ной говорит: я тоже сперва так подумал. И стал вспоминать. Сам удивился, но первой вспомнил Агату, хоть она от меня и ушла. Бабушку с папой, Марину и Биргит. Маму и брата. Племянников и Карину, хотя она... да ладно, неважно, чего натворила Карина, лишь бы она была. Девочку из соседней кофейни, не знаю по имени, новенькая бариста, у неё смешные косички и ореховые глаза. Тётю Нелли, в которую я влюбился, когда мне было четыре года — за серьги с якорями в ушах. Лучшего друга Яна, с которым ходили

в школу. И остальных друзей, получилось человек пятьдесят. Например, Валентина, с которым мы давным-давно на каникулах ездили автостопом в Краков. И сам город Краков, красивый, как сказочная мечта. И Прагу, конечно. И Киев. И Лиссабон. Я когда впервые там оказался, не мог поверить, что города такими бывают. Думал, уснул в самолёте и вижу сон. И ещё города, где бывал, их оказалось всего двадцать восемь, не густо пока! И другие, которые видел на фото и мечтал побывать. Этот список почти бесконечный. А ещё есть деревни, посёлки, я даже названий не знаю, только помню, что они мне понравились. Слишком много смотрел инстаграм! Короче, чего сейчас пересказывать. Я весь день и всю ночь вспоминал и любил — людей, знакомых и незнакомых, набережные, дома, ночные шоссе и кофейни, площади, парки и целые города. Всё, что видел хотя бы мельком, всё, о чём только слышал. Такие завораживающие бывают названия: Сан-Паулу, Гранада, Херсон. А ещё музыканты и композиторы. Гласс, Лори Андерсон, Брегович. И Джармуш; правда, он режиссёр, но неважно, какая разница, лишь бы и дальше был. И художники, и писатели. Их мне пришлось заочно сразу всех полюбить, потому что иначе нечестно. Они же не виноваты, что я мало читаю и не понимаю картин. И смешная рыжая тётка из киоска с мороженым, и моя учительница географии, и лысый старик в косухе, водитель шестого трамвая, когда на него с утра попадаю, день складывается удачно, и все врачи из ветклиники, и уличный саксофонист... Короче, я, сам видишь, пожадничал. Сердце слишком маленькое оказалось. Треснуло и порвалось. Не поместился в него весь мир.

Харон думает: ни хрена себе маленькое. Полмира, как минимум, точно туда вместил.

Харон говорит: то-то ты ни живой, ни мёртвый. Сам-то может и правда помер, но в твоём сердце полно живых.

Ной говорит: вот именно. Я и сам уже понял, пока тут парил с тобой. Но я знаю, что делать. Ты мне поможешь?

Харон думает: вот интересно, чем тут можно помочь?

Ной говорит: у тебя есть ковчег. То есть, лодка. У меня — пассажиры. Я их в своём сердце собрал. Два мифа вместе — страшная сила. Ну что, по рукам?

Харон думает: вот бедняга. Впервые вижу, чтобы мёртвый уже после смерти сошёл с ума.

Харон говорит: хоть ещё триста раз умри, не возьму тебя в лодку. Не повезу никуда. На другом берегу — царство мёртвых. А в сердце твоём — живые. Им нечего делать там.

Ной говорит: к другому берегу и не надо. Нам бы куда-нибудь в устье. Или к истоку. У всякой реки есть устье с истоком. А Ахерон — река.

Харон говорит: я видел однажды устье. Не надо туда тебе с твоим грузом. Нам всем не надо туда.

Ной говорит: ладно, понял. А что с истоком?

Харон молчит, потому что не знает. Ему до сих пор даже в голову не приходило таким образом поставить вопрос.

Харон говорит: мне теперь самому интересно, что у этой реки за исток.

Харон думает: это что я сейчас сказал? «Интересно»? Мне — интересно?! Что я имел в виду?

Харон спрашивает: где твоё облако? Я хочу его ещё раз вдохнуть.

Харон получает палку-трубку-свистульку и делает вдох. Вдыхает облако и превращается в облако, которое помнит о том, что оно — Харон.

Харон смеётся. Смех у него больше не лающий, даже почти не хриплый. Не потому, что уже тренированный (хотя это тоже), а потому что он сейчас облако. А облака нормально умеют смеяться, уж точно не лают и не хрипят.

Харон говорит: прикинь, я только что понял. Мне теперь самому в этом челне сидеть не положено. Я же вдохнул, как обычный смертный! Как живой. Я — живой!

Ной говорит: ни хрена себе твоя лодка выросла! Теперь даже мы с моим сердцем здесь поместимся наверняка.

Харон говорит: не знаю, как так получилось. Это она сама!

Ной говорит: ну теперь-то море тебе по колено. Тем более если оно — река. Ну что, поедем к истоку?

Харон хохочет: «поедешь» ты на телеге! Не «ездыт», а «ходят» на кораблях.

Ной говорит: так точно. Конечно ты прав. Разрешите подняться на палубу, господин капитан.

Харон говорит: «палуба» — ужасно красивое слово. И «господинкапитан» — ужасно красивое слово. Все слова такие красивые! Раньше я этого не понимал.

Ной говорит: и не только слова. Всё на свете ужасно красивое, когда ты живой.

Ной поднимается на палубу огромного корабля. Корабль отчаливает. Проходит, как в мифах положено, вечность. А может быть целых два дня.

Харон говорит: там, впереди, я не знаю, что это такое. Синее, зелёное, золотое. На воду совсем не похоже!

Ной говорит: земля.

31 мая 2022 г.

ВСЕ, КОМУ СНИТСЯ ПРАВИ

В телефоне звенит будильник, Мика, не просыпаясь, отключает звонок и говорит, чуть не плача — не наяву, в сновидении, устами той Мики, которая всё ещё сидит на крыльце рядом с сестрой: «Чёрт, как некстати, мы же собирались к Рубину», — и Нина её утешает: «Да ладно, подумаешь, сто раз ещё сходим потом».

— Я так не хочу уходить во Тьму за Ворота! — чуть не плачет Мика. — Не хочу туда ни сейчас, ни потом, никогда. Там уже наступила зима — знаешь она какая?

— Мы же это в школе учили, — невольно улыбается Нина.

— Пока не попробуешь, не представишь, точно тебе говорю. Темнеет сразу после обеда, город освещают только редкие тусклые фонари, а на улице минус двадцать. Температура воздуха минус двадцать, прикинь! И самое главное, пока зима продолжается, ты не можешь поверить в лето, раньше оно может и было, но больше точно не будет, эта зима — навсегда. А сейчас там ещё карантин объявили, теперь на юг зимой не сбежишь. Даже из города не уедешь, полицейские патрули перекрыли дороги, не пускают, не выпускают, и не только у нас, а вообще везде, во всём мире, как будто все люди преступники, или идёт война. Я там задыхаюсь, тебя и себя забываю, не хочу туда возвращаться, держи меня, дорогая, не отпускай.

Нина крепко обнимает сестру, её дважды просить не надо; обе знают, что от ухода во Тьму за Ворота это не помогает,

уж если уходишь, значит уходишь, никому тебя не удержать. Но, во-первых, уходить, когда тебя обнимают — ну, просто приятно. Уж всяко лучше, чем если просто сидят и глядят. А во-вторых, остаться, конечно, нельзя, но задержаться-то можно. Ненадолго, на минуту-другую; впрочем, ходят слухи, что некоторые счастливики, когда их обнимали как следует, задерживались дома на целый дополнительный час. Плюс, Нине самой это нравится, обнимать того, кто уходит, говорят, огромное, ни на что не похожее удовольствие; Мика не представляет, как это, сама уходящих ни разу в жизни не обнимала, потому что она-то из тех, кто уходит во Тьму за Ворота, не может жить в Ирали непрерывно, всегда.

Нина, и не только она, все вокруг совершенно уверены, что те, кто уходит во Тьму за Ворота и возвращается, счастливики: две жизни интереснее, чем одна. Теоретически, Мика с ними согласна, «две жизни» — шикарно звучит. Но на практике ну его к чёрту. Я иногда ухожу из Ирали во Тьму, за Ворота, и завидую Нине, которая здесь остаётся, а она завидует мне, — думает Мика. — Будь наша воля, мы бы с ней поменялись! Но воля не наша, я — переменная, она — постоянная, такими уж мы родились.

Я — переменная, — думает Мика, проснувшись, и сама удивляется — почему переменная? С чего я взяла? Какая из меня, к чертям, переменная, я всё время одна и та же, с детства, сколько помню себя. «Да заткнись ты уже», — говорит она телефону и наконец выключает будильник, предусмотрительно запрограммированный на повторный звонок. Сраный будильник, — думает Мика, откидывая тяжёлое одеяло. — Мне же что-то такое хорошее снилось! Самое лучшее в мире. А теперь ни хрена не помню. Когда просыпаешься по будильнику, невозможно вспомнить, что снилось, и это хуже всего.

Это хуже всего, — повторяет Мика, она чуть не плачет, торопливо натягивая колготки, рейтузы, штаны. — Слишком много одежды, меня под ней уже почти не осталось, ненавижу так паковаться, но зимой иначе нельзя.